

Судильники

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬСЬ РИСУНКАМИ
И КАРРИКАТУРАМИ

1882

№ 2

— Сударыня, я не могу больше въ вашемъ домѣ оставаться.
 — Это почему? Что-же тебѣ здѣсь не правится?..
 — Я довольна, но... казармы далеко!

сновная,
 А. Н. Островскі
 — Я
 гово

Годъ XVIII
1882

Будильникъ.

Томъ XXXV
№ 2

СОДЕРЖАНИЕ:

Калейдоскопъ. Бовы.
Провинциальныя экскурси. Ерша.
Сцена и вульсы. Никса и Никса.
Чудная ночь. Светлый разговоръ, — окончаніе. Ф. Нефедова.
Исповѣдь. Стих. С. Ар-скаго.
На законномъ основаніи. Комедія (II актъ) К. Тарновскаго.
Современныя анекдоты.
Рисунки и парриатуры.
Рекламы и объявленія.

Слѣд. № выйдетъ въ понедѣльникъ, 18 янв.

Улетучившіяся г. Блюхъ. — Исчезнувшій запасный капиталъ. — Тиражъ шинковъ въ Харьковѣ. — Ври, да знай-же мбру!

Разъ, въ крещенскій вечерокъ... вы, можете быть, думаете, что я намѣренъ описывать, какъ

Въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали,
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали?

Нѣтъ, теперь этимъ вздоромъ занимаются однѣ пухлыя замоскворѣцкія барышни...

Новыя птицы—новыя пѣсни,
Новыя пѣсни—новыя птицы!

Новыя птицы—это г. Блюхъ, изобрѣвшій радикальный способъ *избѣгать* не только праздничныхъ, но и всякихъ вообще визитовъ, до визитовъ вкладчиковъ включительно; новыя птицы—это тѣ *опасныя* джентльмены, которые погрѣбли руки около *запаснаго* капитала одного изъ нашихъ большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ...

Объ этомъ новогоднемъ сюрпризѣ протрубили въ интересной газетѣ, соблюдая, впрочемъ, вовсе неумѣстную осторожность. «Въ одномъ изъ большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, оповѣстивши оныя, не оказывается запаснаго капитала», а ни названія общества, ни суммы запаснаго капитала, ни фамилій виновниковъ исчезновенія этого капитала не сообщили. Остается только догадываться: если дѣйствіе произошло въ большомъ обществѣ, то и кража должна быть большая, да и воры, конечно, изъ большихъ... И что за скверная привычка у нашей прессы—«брать въ отвѣтъ», лишь только дѣло коснется цекотливаго обстоятельства? Ну, точь въ точь деревенскіе мужички, объѣзжающіе земскія гати и мосты!... Во всякомъ случаѣ,—интересно было бы знать, не исчезли-ли, вслѣдъ за исчезновеніемъ запаснаго капитала, и виновники этого фокуса... подобно тому, какъ исчезъ г. Блюхъ изъ своей конторы: раскланялся съ вкладчиками, оставилъ какихъ-то ничтожныхъ 200 р. для уплаты нѣсколькихъ сотъ тысячъ, и, посылая простакамъ воздушные поцѣлуи, исчезъ!

Въ Харьковѣ оказывается цѣлая армія людей, склонныхъ къ кабацкому ремеслу. Вотъ, что сообщаетъ «Южный Край»:

«На дняхъ въ Харьковской городской управѣ должна произойти крайне интересная лоттерея. Будетъ произведенъ тиражъ нашихъ шинковыхъ заведеній... Сопскателей явилось до 9.000 человекъ. Считаю въ Харьковѣ 100.000

жителей, получаемъ, не лишенный интереса, выводъ: 90% населеніе желаетъ взять шинковъ!»

9.000 шинкарей! Въдъ это цѣлая армія, могущая утопить въ водочныхъ волнахъ не только харьковскихъ хохловъ, но и всю Россію!.. Впрочемъ, кто-же у насъ откажется спаивать и обирать народъ? Помните только, что даже пресловутый Пашковъ—этотъ проповѣдникъ истины, добра и любви къ ближнему—держитъ цѣлую колонию кабаковъ! Проповѣдь добра и содержаніе питейныхъ заведеній мирно уживаются въ одномъ и томъ же субъектѣ.

Еще одно сказанье... по адресу нашихъ «заграничныхъ друзей».

Въ англійской газетѣ «The Economist» помѣщена статья, содержащая въ себѣ извлеченіе нѣкоторыхъ цифръ изъ отчета государственнаго контроля за 1880 г. Въ числѣ многихъ невѣрныхъ выводовъ, находится сообщеніе, что правительство наше дѣлало желѣзно-дорожные займы для покрытія общихъ государственныхъ расходовъ... Насколько нелѣпо это сообщеніе, доказывается уже тѣмъ, что правительство не только никогда не пользовалось средствами изъ желѣзнодорожнаго фонда, но и, напротивъ, постоянно затрачивало громадныя суммы, изъ средствъ казначейства, на выдачу ссудъ желѣзнодорожнымъ обществамъ... Долгъ желѣзнодорожнаго фонда казначейству составляетъ въ настоящее время 86 мил. рублей! Нелѣпность, сообщенная англійской экономической газетой, такъ колоссальна, что наше правительство сочло необходимымъ напечатать въ «Правит. Вѣстникѣ», коротенькое опроверженіе, которое, конечно, разсѣетъ всякія недоразумѣнія на этотъ счетъ. Во всякомъ случаѣ, благоглупость «Economista» а имѣетъ значеніе—какъ фактъ, доказывающій, до чего неразборчивы иностранные писатели въ своихъ клеветахъ на Россію. Намъ остается лишь смѣяться... Да какъ и не смѣяться, въ самомъ дѣлѣ, читая, напр., разказы иностраннаго туриста, съ серьезнымъ видомъ увѣряющаго своихъ земляковъ, что онъ отдыхалъ въ Сибири подъ тѣнью... бдюквы? Мало-ли что пишутъ эти «знатные иностранцы»! Одинъ изъ нихъ, проѣзжая лѣтомъ черезъ малороссійскую деревню и не найдя на улицѣ никого, кромѣ мальчиковъ, отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: «въ Малороссіи водится особая порода людей чрезвычайно малаго роста, съ волосами альбиносовъ; они крайне враждебно относятся къ путешественникамъ и бросаютъ въ нихъ камнями; эта интересная порода называется clorsis или maltchichis». Какъ тутъ не разсмѣяться?

Бова.

Медицина и грамотность.—Зачѣмъ оныя намъ? —Опереточная война въ Царицынѣ. —Утѣшеніе.

Мы вступаемъ въ новый годъ при хорошихъ обстоятельствахъ: медицина начинаетъ у насъ все болѣе и болѣе процвѣтать, грамотность распространяется... Сейчасъ я приведу по этой части наубѣдительнѣйшій фактъ.

Во первыхъ, медицина. Беремъ Казань, университетскій городъ съ стотысячнымъ населеніемъ. Не говоря уже объ имѣющихся тамъ докторовъ-профессорахъ, обыкновенныхъ врачахъ и учоныхъ акушеркахъ,—Казань богата и другими представителями медицинской науки. Здоровью жителей, значитъ, не грозитъ опасность, особенно —

съ тѣхъ поръ, какъ появился тамъ чудесный лекарь, познавшій тайны персидской и индійской медицины. Это—нѣкій оставшой солдатъ, успѣвшій во время военныхъ походовъ, такъ сказать, собаку съѣсть, въ искусствѣ восточныхъ эскулаповъ... Онъ имѣетъ бездну удоставреній объ успѣшномъ леченіи больныхъ, и лечитъ, лечитъ, лечитъ...

Вотъ какъ дѣлаетъ оныя это.

Обратился какъ-то къ нему, за помощью, одинъ изъ частныхъ маклеровъ. Б., страдающій удущьемъ. Начался предварительный разговоръ о вознагражденіи. Кавалеръ потребовалъ 18 руб. за каждый визитъ, такъ какъ лекарства его очень дороги. Пациентъ, съ своей стороны, предлагаетъ 2 руб. Спорять, убѣждаютъ другъ друга и, наконецъ, на 2 рубляхъ рѣшаются.

— Раздѣвайся! Ложись! командуетъ персидскій цѣлитель.

Маклеръ раздѣвается и ложится. Докторъ начинаетъ ею «ислѣдовать», причемъ весь ма основательно мнетъ ребра, ломаетъ руки и прессуетъ животъ. Потомъ, приказываетъ подать стаканъ горячей воды, кладетъ въ нее ложку какой-то вонючей мази и предлагаетъ больному выпить. Маклеръ приподнимается, чтобы исполнить докторское требованіе, и... внезапно получаетъ здоровѣннѣйшую затрепину въ ухо...

— Не беспокойтесь, присовокупляетъ казанскій персъ, — это для нашей-же пользы! Будъ вы помоложе, такъ я не такую бы еще тютю закатилъ вашей милости...

Вреданіе молчать, лучше-ли стало маклеру отъ «тютю» и покинуло ли его удущье.

А вотъ—по части грамотности.

Возьмемъ Саратовъ. Тамъ прикащики задумали подать городскому головѣ прошеніе объ освобожденіи ихъ отъ работъ въ праздничные дни. Написали прошеніе и отправились собирать подписи. Являются въ магазинъ Ш., въ новомъ гостинномъ дворѣ

— Не подпишитесь-ли, вотъ, подъ прошеніемъ? обращаются къ старшему отпрыску купеческой фамиліи.

— Что такое?

Объясняютъ.

— Нѣту, не подпишусь...

— Въ такомъ случаѣ, не дозволите ли вашимъ прикащикамъ?

— Не дозволю.

Коротко и ясно.

У другаго, г. Л., слѣдъ

— Не подпишите-ли?

— Нѣтути, мы и по праву

вать хотимъ.

— А вашимъ служащимъ можно притѣниться къ прошенію?

— Имъ некогда-съ; извините!...

И т. д., и т. д.

Выходитъ: и умѣютъ подписаться, а толку мало!

Не знаю, какого свойства члены царицынской городской управы, но зачастую они выглядятъ совсѣмъ опереточными людьми. Чѣмъ, напр., они не офенбаховскіе разбойники—въ своей войнѣ противъ г. Ашинова?... Но, однако, вы не знаете подробностей дѣла, и не имѣете понятія о г. Ашиновѣ...

Дѣло вотъ въ чемъ. Г. Ашиновъ владѣетъ противъ Царицына островомъ (не Тюлипатаномъ, однако). Городской управѣ представилось почему-то, что островъ этотъ долженъ принадлежать ей, а вовсе не г. Ашинову... Хорошо. Начинается тяжба. Судъ, по разсмотрѣннѣй доказательствъ настоящаго владѣльца, въ искѣ управы отказалъ. Что тутъ дѣлать?

Царицынская управа не задумалась: она порѣшила объявить своему врагу открытую войну

и изгнать его изъ владѣній. Одинъ изъ членовъ отправился на островъ для рекогносцировки (причемъ какъ то угораздился попасть тамъ въ чанъ со смолой); затѣмъ, на нѣсколькихъ лодкахъ, были отправлены войны, въ видѣ гадаховцевъ и архаровцевъ, взятыхъ изъ кабаковъ и ночлежныхъ домовъ. Произошла битва и... войско управы потерпѣло поражение.

Вы не вѣрите, чтобы все это могло, дѣйствительно, быть? Къ нашему общему удовольствию, все это правда. Правда и то, что управская армя, въ концѣ концовъ, пошла въ судейскую камеру и претерпѣла: судъ, не принимая во вниманіе батальныхъ добродѣтелей, упрятала въ кутузку цѣлыхъ 15 человѣкъ...

Управа осталась въ сторонѣ. Она зажмурила глаза, какъ будто дѣло до нея и не касается. Страусы, въ своемъ родѣ!

Г. К. изъ г. Керчи, какъ ни причесь, не

спрячется. Съ нимъ, нагавуиъ новаго года, случилась слѣдующая неприятность. Проваливъ онъ съ своимъ пріелемъ, гласнымъ керченской городской думы, г. Р., въ гостиницѣ. Шли споры о городскихъ дѣлахъ. Дальше— больше: поругались Затѣмъ, какъ и слѣдуетъ быть, завязалась драка. Р. кинулся на своего противника, сѣпился съ нимъ и .. откусилъ ему носъ. И не какой нибудь маленькій, гаденкій, а отличный, породистый армянскій носъ! Откусилъ и выплюнулъ на полъ. Когда стали отыскивать носъ на полу, его уже не оказалось: кошка съѣла... Г. К. можетъ съ увѣренностію сказать, что, не смотря на приключившуюся съ нимъ неприятность, онъ не остался съ носомъ. Утѣшеніе!

Но, съ другой стороны, и то скажешь: носъ уже не выростеть у г. К... хотя бы его и билъ въ ухо казанскій докторъ!

Ершь

Бенефисъ г. Музиля: «Таланты и поклонники», комедія А. Н. Островскаго; «Перелетныя птицы», пьеса М. В. Лентовскаго. — Бенефисъ г. Рѣшимова: «На законномъ основаніи», комедія К. А. Тарновскаго. — Бенефисъ г-жи Никудиной: «Помѣшанная», комедія г. Павлова. — Бенефисъ г. Барцала: «Тангейзеръ». — «Эглея», балетъ-пастораль г. Ганзена. — Романсы Д. А. Усатова.

Давно мы не бесѣдовали съ читателями; поэтому, на этотъ разъ намъ придется побесѣдовать о многомъ: не говоримъ— о многомъ *хорошенькомъ*... Ну, да чѣмъ богаты— тѣмъ и рады. Начинаемъ. Первое мѣсто, конечно, — «Талантамъ и поклонникамъ» А. Н. Островскаго. Заранее извиняемся за отрывочность нашей замѣтки: «по одежкѣ протягивай и ножки»,—въ нашемъ распоряженіи тахишимъ 200 строкъ, а новостей — куча!

«Таланты и поклонники» произвели на насъ, скажемъ прямо, чарующее впечатлѣніе: такой правды замысла, такого мастераго развитія дѣйствія и, что всего важнѣе, такой размашистой смѣлости въ обрисовкѣ главныхъ фигуръ, какими, несомнѣнно, отличается новая комедія мастистаго драматурга, — давно мы не встрѣчали... даже въ его произведеніяхъ, — не говоримъ уже о меньшей братіи! Паденіе культа чистаго искусства, развратъ—какъ неизмѣнный спутникъ современнаго «таланта» и побѣда золота надъ всѣмъ: надъ любовью, разумомъ, дружбой, честью, — вотъ основная, скорбная идея новой комедіи А. Н. Островскаго.

— Я знаю, что *не такъ* поступаю, говорю, пишу (провинциальная актриса), но... что *нужно*... такъ *всѣ* дѣлаютъ, дѣлаютъ, хотя всѣ, поголовно, что дѣлаютъ «не такъ»!

Эта смѣха вызвала финальная фраза ин-учителя, любовь котораго промѣняла золото новай Данаи, — фраза, обращенная «поклонникамъ»:

— Я — *учить*, а вы — *развращать* будете... и я все таки буду учить!

Фраза эта вызвала смѣхъ; а вдумайтесь-ка въ нее хорошенько: не засмѣтеть-ли вы... сквозь слезы?

Бенефисъ г. Музиля былъ совсѣмъ «актерскій»: велѣдъ за комедіей А. Н. Островскаго, бойко и весело промелькнули сцены—тоже изъ актерской жизни: «Перелетныя птицы» («Тучки небесныя, вѣчные странники»), М. В. Лентовскаго. Это, въ полномъ смыслѣ слова, драматическій *пустячокъ*, но *пустячокъ* крайне забавный, а кстаги и мастерски разыгранный. Особенно хороши г. Рыбовъ, въ роли «прогорѣвшаго» актерика Разсказъ о томъ, какъ онъ, актерикъ, жилъ у одного купца, и какъ этотъ купецъ, покутивъ, заснуть не могъ безъ того, чтобы актерикъ не представилъ ему чор-

та, — предестенъ. За то, напрасно г. Лентовскій вклеилъ въ свои сценки куплеты; еще болѣе жаль, что куплеты эти распѣваются съ аккомпаниментомъ оркестра: эти ходули совсѣмъ отшибаютъ у «Перелетныхъ птицъ» тотъ колоритъ правды и жизненности, который присущъ имъ, безъ всякаго сомнѣнія.

Мы до сихъ поръ злы на г. Музиля за то, что въ самую средину своего бенефиса онъ вклеилъ неизмѣнную «Рабу» г. Зазулина. И въ самомъ дѣлѣ, — вѣжливо ли, судите, заставляя публику скучать надъ старой пьесой — изъ за того только, что герру Музилю, во что бы то ни стало, нужно (почему нужно?) показать очаровательную фрау Музилю? «Раба» — единственная пьеска, въ которой сносна фрау Музилю; и вотъ, нѣжный герръ Музилю изъ года въ годъ ставитъ въ свой бенефисъ «Рабу»... подобно тому какъ г. Колосовъ изъ года въ годъ ставитъ въ свой бенефисъ «Двухъ гончихъ по одному слѣду», ибо «Гончія» — единственная пьеса, въ которой сносенъ г. Колосовъ... И это еще понятно: надо же бенефицианту хоть чѣмъ-нибудь да заявиться; причемъ, на сценѣ, супружескія «тандрессы» — не понимаемъ!

Въ довершеніе неумѣстнаго проявленія своихъ супружескихъ чувствъ, герръ Музилю поднесъ фрау Музилю букетъ...
Покорнѣйше благодаримъ!

Судить о новой пьесѣ г. Тарновскаго — не намъ: она передъ читателями Органчимся однимъ лишь штришкомъ.

Послѣ перваго представленія, подходитъ къ намъ авторъ знаменитой «Свадьбы Кречинскаго»:

— Скажите, пожалуйста, Константинъ Августиниовичъ состоить членомъ французскаго драматическаго общества?

— Нѣтъ.

— Жаль!

— А что?

— Да онъ могъ бы получить гонораръ, за эту пьесу, съ *двухъ* драматическихъ обществъ

Говорить о «Помѣшанной» г. Павлова — не стоить: это лишь блестящее и далеко уже не новое доказательство того, что и изъ очень хорошенькаго разсказа очень не трудно сдѣлать очень мерзкую пьесу... Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ пьесѣ

г. Павлова есть двѣ блестяще очерченныя личности: Вязниковъ и Золотницкій... Гг. Рѣшимовъ и Миленскій 2-й прекрасно передали свои роли. Только мы посовѣтовали-бы г. Павлову выбросить второй выходъ Вязникова, а пожалуй... и первый.

Въ Большомъ театрѣ слушали «Тангейзера» и смотрѣли «Эглею».

«Тангейзера» вытасили на свѣтъ божій г. Барцалъ: за стараніе—спасибо, за исполненіе нахлобучка... не самому г. Барцалу, разумѣется, и не его ближайшимъ товарищамъ: бенефициантъ, гг. Абрамовъ, Хохловъ и, особенно, г-жа Юневичъ—виъ всякихъ упрековъ; нахлобучка—оркестру и хору.

Въ самомъ дѣлѣ, что надѣлали гг. пилигримы, сказать трудно, — нужно было слышать, какъ, въ теченіе добрыхъ пяти-шести минутъ, хоръ шелъ на полтона тона выше оркестра... Виноваты гг. Дмитриевъ и Мамонтовъ, «выпустившіе» гг. пилигримовъ.

Увертюра прошла не бойко: скрипокъ оказалось мало.

Кто насъ удивилъ, такъ это г. Додоновъ: въ сценѣ состязанія, «взялъ» да и спѣлъ отлично... Вотъ ужъ не ожидали-то! И аллоди- ровали же ему за это!..

Бенефициантъ передалъ свой разсказъ замѣчательно умно и элегантно, не сдѣлавъ ни малѣйшей гупцоры, — да и вообще провелъ свою партію превосходно. Гляди на подарки, подносимые ему публикой, мы усердно аллодировали: это былъ «въ коня кормъ»...

Г-жа Махина... да проститъ ее Господь!

Въ декоративномъ отношеніи, опера обставлена весьма недурно. Особенно эффектна 2-я картина 1-го акта: декорация дышетъ поэзією, а это и требовалось доказать.

Для утреннихъ святочныхъ спектаклей, на Большомъ театрѣ, поставленъ г. Ганзеномъ одноактный балетъ «Эглея-пастушка». Г. Ганзень увлекся усвѣхомъ танцевъ малолѣтныхъ воспитанницъ и эстерновъ нашего театральнаго училища въ «Двѣ ада» и «Арифѣ», и задумалъ составить специально для нихъ нѣчто отдѣльное, особенно, новое. Увлечаться, оказывается, не слѣдовало: затѣя оказалась далеко не изъ удачныхъ, — вышло что-то въ родѣ кукольной комедіи которую, едва-ли у кого хватитъ терпѣнія высидѣть отъ начала до конца. Что было мило и забавно на полчаса, то на полтора — и скучно, и однообразно, и приторно до тошноты.

Постановка балета заурядная. Костюмы еще, какъ говорится, туда-сюда; за то, мѣсто декораций г. К. Вальца... по всѣмъ правамъ — въ балаганахъ на Двѣнчьемъ полѣ, а ужъ никакъ не на Большомъ театрѣ, гдѣ еще не забыты чудныя декорации гг. Брауновъ, отца и сына, Бредова, Шеньяна, Гельцера... Музыка г. Гербера такъ же вульгарна, какъ и всѣ его музыкальныя сочиненія: положительно — ни одного красиваго мотива!

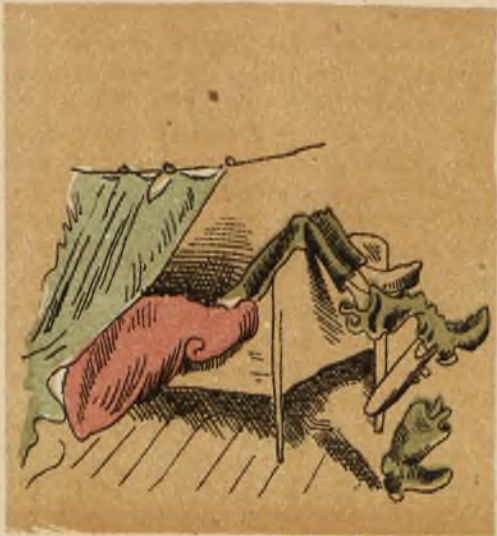
Передъ нами серия романсовъ любимаго московской «слушающей» публики, Д. А. Усатова. Сборъ съ продажи пожертвованъ авторомъ въ пользу студенческой кухмистерской. Четыре романа, которые передъ нами («Что мнѣ она», «Колыбельная пѣсенка», «Еще томлюсь тоской желанья» и «Мы съ пьесой бѣсгрокрылой») — составляютъ лишь начало сборника романсовъ Д. А. Усатова. Мы просмотрѣли ихъ п... не знаемъ, которому отдать предпочтеніе. Это — не казенные романсы съ «мнорными паденіями» и «мажорными повышеніями» голоса, а скорѣе музыкальныя грѣзы, элегантыя и привольныя... Желнемъ сборнику познѣйшаго успѣха.

Никсъ и Никсъ

945612

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Н. А. НЕКРАСОВА

ЦУНЬ им. Н.А. Некрасова Отдел хранения фондов

1. Едва дотащился Антонъ Иванычъ до своей кровати, снялъ одинъ сапогъ и... потонулъ въ грезахъ и сновидѣнїяхъ.

4. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ свой ночной столикъ опрокинутымъ...

7. Чортъ возьми! воскликнулъ бѣдный Антонъ Иванычъ: гдѣ это мнѣ помогла нелегкая заполучить такую обнову!?

2. Въ просонкахъ, съ помощью легкой эквилибристики, ему удалось таки стащить и другой сапогъ.

5. Передъ глазами его вертѣлся рой черныхъ и цвѣтныхъ точекъ.

8. Съ горя, онъ рѣшилъ закурить трубку, но... стулъ заплясалъ подъ нимъ.

3. Грезы Антона Иваныча были, очевидно, тревожнаго свойства, такъ какъ онъ не только бредилъ, но и отчаянно размахивалъ руками.

6. Лукавый усердно сверлилъ у него въ ухъ...

9. Закурилъ и—о, ужасъ!

СВЯТОКЪ.

жизни Антона Ивановича.

10. Въмѣсто табаку, въ трубкѣ оказался кусокъ стеарина... Съ досадою отшвырнулъ отъ себя трубку Антонъ Ивановичъ.

13. Да и умывальникъ — плохой картонъ для шляпы...

16. Затѣмъ залпомъ проглотилъ рюмку очищенной.

11. Который часъ? Кетати, гдѣ часы? Увы! — они оказались чернилицѣ...

14. Точно также, какъ и сапогъ — портмоне не изъ модныхъ!

17. Приятная дрожь пробѣжала по его членамъ...

12. А сюртукъ-то, сюртукъ: весь въ извести, — хоть бросай!

15. Антонъ Ивановичъ прибѣгъ къ прадедовскому способу отрезвленія. Сначала онъ вылилъ на себя кувшинъ холодной воды.

18. Закусивъ селедкой, Антонъ Ивановичъ съ наслажденіемъ затянулся сигарой: теперь онъ готовъ былъ... хоть еще на новыя Святки!

ЧУДНАЯ НОЧЬ.

Святочный рассказ.

(Окончание, — см. № 1.)

По прежнему тишина и покой, невозмутимый покой, царящий на деревнѣ...

Весь порядок, обращенный къ мѣсяцу, облитъ мягкимъ свѣтомъ: окутанныя соломой избы, дворы съ тесовыми навѣсами, выдавшимися надъ плотно затворенными воротами, высокія на столбахъ крыльца, сверкающія подъ вышнимъ свѣгомъ кровли, даже узоры на замерзшихъ стеклахъ—все, до мельчайшихъ подробностей, таково ясно и отчетливо видно при мѣсяцѣ. Другой порядокъ, на противоположной сторонѣ, точно спрятался и слился въ теми: широкая тѣнь откинулась отъ его строеній, захватила чуть не полулицы и протянулась вдоль всей деревни, перерѣзываемая лишь свѣтлыми полосами на прогонахъ.

На крыльцѣ одной избы, стоящей на освѣщенной сторонѣ, заскрипѣла протяжно дверь, и вслѣдъ за тѣмъ раздались мужскіе голоса.

— Не ходи!.. Не утруждай себя, — говорилъ мужикъ въ полушубкѣ и шапкѣ.

— Ничего, я провожу, — отвѣчалъ другой, показываясь на крыльцѣ въ рубашкѣ и съ открытой головой.

— Э, не дѣло, свать! Ты остудишься!

— Не перечь, Антонъ Поликарповъ... Хочу тебя проводить—и провожу...

— Случай, Потапъ Сидорычъ: вѣдь ты теперь распѣтѣвши и въ одной рубахѣ...

— Вѣрно. А ты мнѣ свать, али нѣтъ?

— А ты рази ужъ забылъ, что мы по рукамъ съ тобой ударили?

— Такъ что-же ты зря мелешь?! Поворачивай оглобли да опять въ избу: вина у насъ, чай, еще осталось!

— Что ты?! ужаснулся свать.—Нешъ можно?..

Снова заскрипѣла дверь, и голоса замолкли.

Въ это время отъ вдвинутой избы отдѣлились четыре женскія фигуры, приостановились на минутку, вперивъ глаза на свѣтившій прямо въ ихъ лица мѣсяцъ, оглядѣлись вокругъ и, одна за другой, стали перебѣгать наискось черезъ дорогу. Достигнувъ темной стороны, онѣ пошли уже не сбѣша и крадучись, чтобы не быть кѣмъ замѣченными, по тропинкѣ, проложенной мимо самыхъ избъ; черезъ двѣ три минуты фигуры совсѣмъ потонули въ густой тѣни. Едва только скрылись онѣ, какъ изъ за березъ, забѣгли охранявшихъ сиротское гнѣздо, выползли два парня, безшумно поднялись,—у одного въ рубахѣ была гармоника,—тихо о чемъ-то переговорили между собою и потомъ оба пошли на деревню, но за угломъ перваго-же двора исчезли...

Осторожно и не торопясь подвигались впередъ смѣлая бесѣдницы. Вотъ ужъ и домъ Агафьи. Еще два прогона—и конецъ Хмѣлевки, поле чистое, и дорога, прямо въ село...

— Пойдемъ-те, дѣвочки!.. Ровно бы мужики говорятъ!..

Приостановились.

Дѣйствительно говорятъ и говорятъ на близкомъ крыльцѣ.

— Ты никакъ въ одной рубахѣ вынешъ? сирашиваетъ одинъ голосъ.

— Нельзя, надо проводить, — отвѣчаетъ другой: — ты гость, а я хозяинъ... Гостя всегда надо уважить...

— Я и безъ того много тобою доволенъ, Потапъ Сидорычъ... Ты остудишься! Вернись въ избу!..

— Ничего... на дворѣ тепло: вишь, какая свѣтлынь разливается!.. А ты — чудакъ, право, челвѣкъ! — толкуешь все: остудишься!.. Слушаю это я, и больно мнѣ на тебя смѣшно. Поликарпычъ! Право слово! Вотъ такъ-таки и хочется мнѣ разсмѣяться!..

Не сдержались при послѣднихъ словахъ въ тѣни, насупротивъ: фыркнули, расхохотались на всю улицу и кинулись бѣжать, позабывъ о всякой осторожности.

— Это ты, Антонъ Поликарповъ?..

— Что ты, свать?! Слышишь, чай, гдѣ грохочутъ!

Свѣтлая полоса, на которую набѣжали дѣвки съ молодойлю окончательно ихъ выдала: оба свата —

слава Богу!—не утратили еще способности распознавать предметы, и потому, какъ только увидѣли, такъ сразу же безъ особеннаго труда, и сообразили, что смѣхъ принадлежалъ ни кому иному, какъ именно четыремъ женскимъ фигурамъ, такъ неожиданно обрисовавшимся посреди улицы.

— Видѣлъ, свать, кто?..

— Видѣлъ!.. Гляди, свать, не съ ними ли и моя кобыла? Подемъ за дѣвками? Да право! Посмотримъ, куда онѣ, хвосты-то поднявши, скачутъ такъ прытко!..

— Съ ума ты, что ли, сошелъ? Да ты весь остудишься!

— Подемъ, свать... Погуляемъ! Больно ужъ ночь хороша...

— Да ты хоть шубу накинъ!.. Нѣшь такъ можно?

— Ладно. Шубу я, пожалуй, захвачу.

Немного спустя, оба свата, въ шапкахъ, сапогахъ и полушубкахъ,—на одномъ полушубокѣ въ накидку,—сходились, обнявшись, съ высокаго крыльца, подолгу останавливаясь почему-то на ступенькахъ. Они громко смѣялись, очевидно—совершенно вольные другъ другомъ...

— Ахъ, свать! говорилъ одинъ: погуляемъ...

— Погуляемъ, соглашался другой.—Ты ужъ на меня положишься... Я тебя соблюду!..

— Соблуди!.. Ты это въ силахъ?..

— Какъ есть...

— Ладно!.. Запѣвай, коли такъ, «азно-бушку»!

Свать безпреслововито повиновался.

„За-а-азно-о-о-бушка больша-ая“ ..

началъ Антонъ Поликарповъ, размахивая правой рукою, а лѣвою продолжая обнимать свата, и энергически потрясая головой.

„Ой! не про насъ ли съ тобой, за-а-азно-о-бушка“,

подхватилъ Потапъ Сидорычъ такимъ сильнымъ голосомъ, что разбудилъ гдѣ-то спавшую дворняшку, которая вскочила, вытянула шею и завывала на мѣсяцъ.

„Злы-е лю-люди то-го говор-я я-ять“,

продолжали оба пѣвца...

— Стой, свать! Полушубокъ свалился...

— Да надѣнь ты его въ рукава... Ахъ, какой ты, Сидорычъ!.. Вѣдь ты остудишься!

— Не бойсь. Въ накидку свободнѣй мнѣ нѣтъ... Ну!..

„Ой! тебя, бабочка, все ругаютъ,
Ме-ня, меня, молодца, брани-я-ять“!..

— Свать, а гдѣ-жъ дѣвки? Онѣ бы намъ подсобили... Потеряли мы дѣвочку!

— Найдѣмъ. Далѣ села не пойдуть... Придерживай, придерживай полушубокъ, свать. Говорю тебѣ: остудишься!

А дѣвки между тѣмъ были ужъ за деревнею и шли по дорогѣ полемъ, раскинувшимся передъ ними бѣлой широкой скатертью. Онѣ хотѣли было пройти только до конца деревни, убѣдиться, что за ними никто изъ парней не подсматриваетъ и затѣмъ вернуться тихонько къ овинамъ; но чудная ночь, съ ея волшебными красотами и чарами, помимо воли, несла ихъ все дальше, мачила куда-то и звала неславно, но тѣмъ не менѣе настойчиво и страстно... Особенно дѣйствовала эта ночь на Матрену: вся она поддавалась ея чарующій силѣ и чуть не бѣжала, не обращая вниманія на своихъ подругъ...

— Будеть, дѣвочки,—заговорила первая Марфа.—Куда въ даль-то забиваться.

— Гляди, еще встрѣнется кто, предполагала Соломонида:—напугаетъ!

— Матрешъ! позвала Агафья.—Вернемся?

Не сразу, однако, отозвалась Матрена.

— Да что ты, взираюду, дурншь? заговорили снова подруги.—Въ полѣ и безъ того одиѣмъ жутко, а тутъ еще ты...

— А мнѣ хорошо, дѣвочки! отозвалась Матрена и вздохнула такъ довольно.—Чего бояться?.. Этакая ночь... Да я бы не ушла съ улицы: воля, гуляй на просторѣ дѣвичья душа!

— Матрена! сказала молодая.—Вотъ ты у насъ смѣла: ежели-бы повстрѣчался намъ сейчасъ на лошади паренъ,—знаю какой хорошенкій! — повстрѣчался бы и позвалъ съ собою: не за дурнымъ чѣмъ, а такъ... Испугалась бы ты?

— Я?... и Матрена засмѣялась.—Я вскочила бы въ саночки къ паренку, молодая, выхватила у паренка изъ рукъ возжи, попривалась къ нему поближе— только бы вы тогда меня и видѣли!

— Ахъ, ты отчаянная! удивилась Соломонида.— А мнѣ бы тутъ и конецъ всей жисти: обмерла бы я въ саняхъ отъ страсти..

— Про тебя что ужъ говорить, — подпустила Марфа:— ты у насъ баба робкая. Не даромъ въ скиты-то хохъ идти... Ну, дѣвки, повернемъ ко дворамъ?

Повернули назадъ и пошли молча, глядя на свѣтлый мѣсяцъ, ярко горѣвшія звѣзды и бѣлое поле. Тихое и безмолвное, оно, казалось, спало въ объятіяхъ голубой ночи, а надъ нимъ летали чудные сны: отъ этихъ сновъ, почти ежеминутно, кругомъ точно что всыхивало и загоралось, точно чья грудь сладко поднималась—нѣжная и ослабительная, вся блистающая грудь...

— Видите, дѣвочки, какъ сбѣги трепещутъ! указывала Матрена.—Это они съ мѣсяцемъ переговариваются.

— Ахъ, матушки!—испугалась молодая баба.— Ровно живое что шевелится!

— У тебя все шевелится, упрекнула Марфа:— сидѣть бы лучше тебѣ за мужниной работой, чѣмъ съ дѣвками хороводиться!.. Но что увязалась за нами, коли ты всего боишься?

— Молодая не боится,—заступилась Агафья:— она это насъ только испытываетъ. А вотъ погляди ужъ, ежели она съ нами въ овины заворачиваться не пойдетъ.

— Молчите, дѣвки! крикнула Матрена:—жилъе близко, услышатъ... Надо будетъ взять на-право, околицей да на гумно къ дядь Трофиму: тамъ большая трона къ овину.

Сваты долго отыскивали пропавшихъ изъ глазъ дѣвочекъ, но, сколько времени они ни бродили, никакъ не могли выбраться за черту деревни: очевидно, ночь усилъла и на нихъ напустила свои чары. Къ счастью, Антонъ Поликарповъ замѣтилъ въ одной избѣ свѣтъ и пригласилъ свата идти на огонекъ: навѣрно добрые люди тамъ имъ скажутъ, какъ отыскать дорогу прямо къ селу. Каково же было изумленіе обоихъ сватовъ, когда они послѣ, довольно продолжительныхъ обшариваній четырьмя руками, нацупали, наконецъ, дверную скобу, дернули за нее и очутились лицомъ къ лицу съ цѣловальникомъ: они понахли прямо въ бабакъ! Хотя сваты и не захватили съ собою денегъ, но, какъ оба они люди почтенные и цѣловальнику давно извѣстные, то и не встрѣтили на малѣйшаго затрудненія въ полученіи небольшихъ размѣровъ посудыны. Они ни за что бы не спросили себѣ вина, еслибы къ тому не побудило ихъ простое «совестливости»: обезпеконили, моветъ, и сваты, и свать, къ нему ни съ того, ни съ сего, а такъ, да и вдругъ уйти такъ, ничего да не оставивъ, было и не хорошо... Усидѣвши по разѣ, сваты, одинъ всего полуштофъ, сваты дружески простились съ цѣловальникомъ, предварно попасши отъ него, всѣми и самыми точными ниями относительно дороги въ село, потряса двадцать руку хозяина заведенія и благополучно выкатились на улицу. Но—тутъ съ ними произошло новое очарованіе. Прежде всего Антону Поликарпову показалось, что нарѣченный его свать оступился, взмахнулъ ногами въ воздухъ и растянулся на свѣгу, какъ у себя дома на полатяхъ или кутникѣ. Потапу же Сидорычу вдругъ представилось, что его нареченный свать стоитъ на корточкахъ и колдуетъ на шапкѣ. Оба свата сперва разсмѣялись, потомъ принялись дѣлать взаимныя попытки къ сокращенію пространства, раздѣлявшаго ихъ другъ отъ друга, и, наконецъ, ужъ заговорили:

— Свать! все-ли у тебя благополучно?

— Слава Богу. Я доволенъ...

У пріятелей на глазахъ задрожали слезы.

— Я тебя соблюду,—говорилъ одинъ.—Только ты не остудишься!..

— Не забуду твоего пріятства, свать, — говорилъ другой.—Соблуди... Ты тверже меня земли держишься.

— Ужь я сказалъ разъ: соблюду, — и ты не погибнешь... Держи только крѣпче на плечахъ полушубокъ... А теперь — въ село!

Черезъ нѣсколько минутъ сваты попали въ прогонъ и, ужь Богъ знаетъ какъ, — выползли на чье-то гумно, съ котораго могли явственно видѣть не въ далекомъ тѣхъ, кого искали цѣлый вечеръ; но не подлежить никакому сомнѣнію, что очарованіе все еще продолжалось.

Прилегли нарѣченные сваты у прясла, сохраняя глубокую таинственность, и, надо полагать, созерцая звѣздное небо и величаво плывшую красавицу луну, а на сосѣднемъ гумнѣ, противъ овина, скупались гадалышницы и тихо между собою переговаривались; ни одна изъ нихъ не рѣшалась пойти въ овинъ первую. Всѣми овладѣлъ страхъ и волненіе... Еще-бы! Шутка сказать: идти одной въ темный и пустой овинъ, свѣситься въ яму и произнести слова заклятья!.. Начали даже ужь поговаривать, не вернуться-ли лучше на бесѣду, чѣмъ рѣшиться на этокое «волшебство»: помилуй Богъ, что еще повстрѣчается — не выльзешь тогда живой изъ ямы.

— Я пойду! — выговорила вдругъ Матрена. — Я васъ сманила, я первой сама и пойду.

Въ только переглянулись — и хотъ бы одно слово кто вымолвилъ!..

Лицо Матрены казалось нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго, но въ глазахъ ея, освѣщенныхъ черными бровями, свѣтилась какая-то смѣлая рѣшимость и ничѣмъ не сокрушимая воля. Растегнула она шубу, перекрестилась и твердой поступью направилась къ овину, только снѣгъ захрустѣлъ подъ ея обутыми въ черные валенки ногами. Вотъ она уже подошла къ овину, нагнулась у входа — и черное отверстіе скрыло ее изъ глазъ подругъ.

— Ой, какой страхъ! послышались сдержанныя и тихія восклицанія.

Проходитъ минута... другая... третья...

— Умрешь, дѣвоньки, съ этихъ страстей! пролетѣла Соломонида.

— Да замолчишь-ли ты, постылая! — огрызнулась Марфа, цѣпляясь въ лицѣ.

Далеко гдѣ-то крикнулъ пѣтухъ, за нимъ другой и скоро вся деревня огласилась ихъ громкимъ пѣніемъ.

— Первые пѣтухи!

Нѣсколько минутъ, проведенныхъ безъ Матрены, показались ожидавшимъ за цѣлый годъ.

— Идетъ! вырвалось радостное изъ кучки.

Отъ овина, на встрѣчу мѣсяца, поспѣшно шла Матрена; шуба ея распахнулась, щеки пылали, карие глаза блистали.

— Матрена! — крикнула дѣвушка, и глаза ея, становившись на лицѣ Агафьи, мохнатой?.. освѣдомилась, чѣмъ такъ живо и такъ радостно оживилъ при видѣ совершившейся дѣятели довольной Матрены.

— Мохнатой?..

— Да за богатаго, — сказала Марфа.

— Матрена! — крикнула дѣвушка, и глаза ея, становившись на лицѣ Агафьи, мохнатой?.. освѣдомилась, чѣмъ такъ живо и такъ радостно оживилъ при видѣ совершившейся дѣятели довольной Матрены.

— Что?..

— Мохнатенькой поглядилъ... равно бы овчинкой тепленькой... Такъ легонько да ласково проведи!

— Вотъ счастье дѣвкамъ! — позавидовала Соломонида. — Обѣимъ въ богатствѣ жить... Дѣвоньки! добѣгу и я, заворожу про судьбу свою..

— Чего тебѣ завораживать? Ты замужняя жена...

— А може что и мнѣ выдетъ?..

— Ступай, коли у тебя охота есть, уступила Марфа. — Я иль послѣдней ужь заворожусь.

Молодая наскоро растегнула свою шубу и побѣжала къ овину.

— Матрена! сказала Марфа. — Да ты что тамъ долго пробывала?

— Разъ? — вскинула Матрена на подругу глаза. — А мнѣ за одну минуточку показалось... Не вышла-бы оттуда... Такъ хорошо, да сладко было, дѣвоньки!

— Смотри, не прельстилъ ли ужь ома? Слышала, чай, зыбл-то летаютъ...

Окончить Марфа не успѣла: изъ овина вылетѣ-

ла Соломонида и прямо къ дѣвкамъ. На бабѣ лица нѣтъ.

— Что? Аль тебя голой?!

Ни слова въ отвѣтъ Соломонида: стоитъ передъ ними блѣде снѣга и не шелохнется.

— Молодая!.. очнись!.. промолви хотя словечко!

Ни звука!

— Дѣвоньки, она зачарована! прошептала Марфа, вся дрожа и блѣднѣя...

Крики ужаса раздались на гумнѣ...

А бесѣда у вдовы шла, повидимому, своимъ чередомъ, прямъ: «играли» пѣсни, ходили «со вьюномъ», хотя парней никого и не было, рассказывали «бывальщины»... Но сіяющая голубая ночь, ни на минуту не переставшая глядѣть въ окна, нашептывала въ уши что-то чудесное, будила новыя мысли и вызвала забытыя представленія, рассказы о невѣроятныхъ событіяхъ и о завораживающихъ.

— Гдѣ-то теперь наши дѣвки? поднимался на бесѣдѣ вопросъ. — Неужели онѣ въправду завораживаться стануть?!

— А чего не завораживаться? На то святки.

— Да страшно... Ну, и грѣхъ тоже, бають...

— Мало-ли что бають... Несъ безъ грѣха проживешь?

— Знамо не проживешь... Только я вотъ про что: на перекрестокъ пойти — ничего, все тебѣ видно и сама ты не одна, — на людяхъ; а въ овинъ надо по одной, къ тому-жъ тамъ ничего не видать... Ну, какъ тебя въ этой темнотѣ да что ухватить, аль испугаетъ? Не долго живота рѣшиться!

— Слышала я, дѣвоньки, про одну купецкую дочь, — заговорила Аксинья: — на городу она жила, — тамъ, на Волгѣ. Задумала это дѣвица вотъ такъ же про судьбу свою узнать. Велѣла накрыть столъ, поставить разныхъ кушаньевъ и чтобы два прибора. Сама заперла дверь и сѣла за столъ... «Суженый-ряженый, приходи ко мнѣ ужинать!» сказала — и ждетъ. Вотъ, ровнехонько въ полночь, дѣвоньки, приходитъ «суженый» — мушкетеръ, изъ себя картина писанная. Сѣли они съ кушечкой дочерью за столъ, — ужинать какъ-бы принялись... Ничего, все у нихъ по хорошему идетъ! Дѣвка была не изъ робкихъ, — разговариваетъ съ нимъ, шутки разные веселыя шутитъ. Вотъ заимѣтила она у него кольцо на рукѣ. «Покажь, говорить, колечко»? Тотъ снялъ и подалъ ей, а она возьми да и зачурай: «чуръ меня», говорить... Женихъ пропалъ, кольцо осталось въ рукахъ у купецкой дочери...

— Поди, настоящее серебряное?

— Золотое, дѣвки!.. Вотъ, послѣ святокъ-то, къ дѣвицѣ этой самой и присватайся женихъ — богатый, хороший женихъ. Какъ взглянула на жениха купецкая дочь — съ первого же разу опознала: словно двѣ капли похоть! Вышла замужъ купецкая дочь и живетъ съ мужемъ хорошо. Обѣ году ребенка принесла — мальчикъ, красивенькій такой паренечикъ! Мужъ себя не помнитъ — радъ больно!.. И вотъ, дѣвоньки, понадобись ему отъ пору, какъ жена еще отъ родовъ лежала, зачѣмъ-то въ одинъ сундукъ сходить; взялъ онъ у жены ключи и пошелъ къ сундуку. Отперъ, вынулъ, что ему нужно, и вдругъ коробочку махонькую заимѣтилъ. Раскрылъ, — а тамъ его золотое кольцо лежитъ! Въ ту же минутку къ жемч.— «Скажи», баеть: — «откуда у те мое кольцо»? — Въстимо, замялась баба, — не хотѣлось ей спазывать, а потомъ и призналась. — «Такъ ты», говорить ей мужъ, — «волшебствомъ меня къ себѣ приманила!»?.. Достала саблю и тутъ же голову ей прочь.

— Ай, матушки!..

— Силоховала купецкая дочь, — замѣтила Татьяна: — ей бы не держать у себя колечка.

— Рассказывали еще, — правду либо нѣтъ, — не знаю, — начала была Афанасья...

Въ эту минутку дверь быстро отворилась и въ ней показались знакомыя лица...

— А! Пронація... Воротились? Что, завораживались?.. Ай, да что у те съ лицомъ-то сдѣбалось, молодайка?

— Подождите, все услышите, отвѣчала Марфа, стаскивая съ себя шубу.

Переглянулись всѣ на бесѣдѣ.

— Что, что, дѣвки? приступили къ нимъ. — Аль не очень съ вами благополучно?

— Ой, дѣвоньки!.. перевела духъ молодая баба, тяжело опускаясь на скамейку. — По сей часъ еще не очнусь, въ себя не приду... Такъ испужалъ, такъ испужалъ...

— Аксинья! перебила Марфа: — мелкота-то твоя спить?

— Хватилась!.. Поди, проснется ужь скоро, бѣтъ запрасятъ.

— Ну, рассказывай, молодайка!

— Вошла это я въ овинъ, — принялась рассказывать Соломонида. — Темно... Тихо такъ, ничего быдто не слышать... Оглядѣлась и легонько этакъ, дѣвоньки, спускаться стала. Приснастилась какъ слѣдуетъ, заклинаясь начала: «храни меня», говорю, «мани меня»... не успѣла окончить: «мохнатой ручищей» — какъ хватить чѣмъ-то сзади, треснетъ изо всей мочи... по спинѣ... иды изъ ямы вонъ меня выкинуло!

— Ай, ай, ай! Вотъ ужасты-то!..

— Не опомнилась, какъ изъ овина выбѣжала и опять близъ дѣвокъ очутилась. Весь задъ отшибло!.. По сей часъ больно...

— Нечистая-то сила что дѣлаетъ!?

Изъ всѣхъ слушательницъ не выражали никакого страха только Матрена съ Агафьею: онѣ прилежно прями и по лицамъ обѣимъ скользили легкія улыбки...

— Не помнишь, молодайка, чѣмъ тебя хватилъ: мохнатымъ али голымъ? — полюбопытствовала Аксинья.

— Когда тутъ было разбирать. Баю вамъ: не опомнилась...

— Ну, молодайка, ожидай на году перемены. Это къ тому... Большая перемена случится!..

— Слушайте, дѣвки, — сказала Марфа: — молодайка у насъ проста, рассказала про свое несчастье. Смотрите, чтобы изъ нашей бесѣды объ этомъ ни слова на волю не вышло. А то проходу не будетъ бабѣ: засмѣютъ!

Всѣ дали обѣщаніе хранить въ глубокой тайнѣ.

— А дѣвкамъ что вышло?

— Матренѣ съ Агафьей хорошо, — отвѣчала Марфа: — обѣимъ мохнатки, а я ужь не завораживалась, — больно молодайка перепужала!

Долго еще говорили на бесѣдѣ... Прошли третьи пѣтухи и дѣвки поднялись.

— По домамъ пора, собирайтесь!.. Прощай, Аксинья!

Гурьбою на улицу высыпали дѣвки. На дворѣ стояла все та же чудная голубая ночь, но еще болѣе свѣтлая и торжественно молчаливая, нѣмая ночь...

— Дѣвки! глянька-то: что это въ улицѣ-то?

А по улицѣ, шагахъ въ ста, неслое нѣчто странное, темное и безформенное; это нѣчто, по мѣрѣ приближенія, колыхалось, подсканивало и металось изъ стороны въ сторону. Вотъ ужь оно близко, слышно порывистое и тяжелое дыханіе...

— Батюшки! вырвались голоса изъ дѣвичей толпы: на — Антонѣ Поликарповѣ нечистый верхоми скачетъ...

Замерли всѣ на мѣстѣ.

— Слава Богу! задыхаясь выговорилъ Антонъ Поликарповъ, неся на своихъ плечахъ свата и остановившись у одной избы: — все благополучно... Соблюдь... Донеси свата!

Въ жизни молодой бабы дѣйствительно произошло перемена: передъ Пасхою умеръ у нея мужъ, и сама она пропала. Одни говорили, что Соломонида въ скитъ ушла, а другіе, — что вмѣстѣ съ нариными весною на плотяхъ ушла. А испужалъ ее, какъ послѣ разъяснилось, сынъ Антона Поликарпова съ Митревскимъ парнемъ.

— Матрену-то съ Аганькой мы полами шубъ поглядѣли, рассказывали озорники. — А Соломониду лопатой хватили. Не завораживайся впередъ: бабѣ не слѣдъ это дѣлать!

Агафья вышла за Петра, а Матрена... къ ней, говорятъ, сватается «митревскій парень».

Баронесса общается свое покровительство Варинькѣ и Березницкому.

НА ЗАКОННОМЪ ОСНОВАНИИ.

Комедія въ 3-хъ д., К. А. Тарновскаго.

ДѢЙСТВІЕ 2-е.

Та же декорация.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь (*навьюченный женскими покупками, разными пакетами и картинками... со шляпой на голозѣ*) и княгиня.

Княгиня (*являясь первою изъ глубины. На ней: шаль и шляпка*).—Осторожиѣе, Woldémar... тише! Пожалуйста, тише!

Князь (*на порогѣ*).—Дьявольски-неудобно, mon ange... одному-то...

Княгиня.—Что же дѣлать! Эти ослы, лакеи, такіе пеловкіе... непременно все разроняли-бы на лѣстницѣ... тогда, какъ ты...

Князь (*самоуверенно*).—О! Я... (*Спотыкается, говоря*.)

Княгиня (*живо*). А! Чуть-чуть не уронила! Дай лучше мнѣ... тутъ куафюра, что я купила у madame Andrieux... un petit chef-d'oeuvre! Сейчас же надѣну! Остальное снеси... ко мнѣ... въ будуаръ... (*Говоря, переходитъ нальво, мимо князя*). Самъ снеси, слышишь! Никому не поручай. Ne t'espante pas: je n'avais révenir! Черезъ двѣ минуты, буду здѣсь! J'auais adieu, Woldémar! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Князь (*одинъ. Постъ небольшой, но выдержанной паузы*).

Могу сказать, пріятно! Лакеи—ослы, а потому вьючнаго верблюда роль разыгрывай! (*Во все горло*). Платонъ! Платонъ! (*Своимъ голосомъ*). Витый часъ, въ одиночку, въ лапдо высидѣлъ... пока она тараторила у Ольги Андреевны... (*Во все горло*.) Ниииль! (*Опять своимъ*). Потомъ... но моднымъ магазинамъ таскала... чай, въ десяти были... ей-Богу! И послѣ каждого—мнѣ... за то... замѣтьте, послѣ каждого... регулярно! (*Во все горло*). Мааксимъ! (*Своимъ голосомъ*). За то, что гляжу на французенокъ! Ей-Богу! Извольте-ли видѣть, не любопытствуй, ни на кого не гляди, не смѣй, не моги! (*Усиливалъ*.) Что же мнѣ, замуривши глаза, жить, что-ли, а?! (*Во все горло*), Мааааксимъ! Платонъ! Ниииль! Чортъ! Дьяволъ!! Кто нибудь!!!

ЯВЛЕНІЕ III.

Князь и Платонъ.

Платонъ (*вбѣгая*).—Иду! Иду! Иду! Звать изволи, ваше сіятельство?

Князь.—Да и не воображалъ! Куда? Стой! Изадъ! На! Бери! Все бери! Снесешь потомъ въ княгининъ будуаръ!

Платонъ.—Не снести одному-то, ваше сіятельство!

Князь (*всторону*).—То-же самое ей говорилъ... слово въ слово... не повторила! (*Платону*). Тише, братецъ! Осторожиѣе! Сохрани Богъ, уронишь!

Платонъ.—Зачѣмъ-же ронять? Небойсь, тогда отъ вашего сіятельства на орѣхи достанется! (*Уходитъ въ глубину*).

Князь (*одинъ*).—А его сіятельству... отъ благовѣрной... и на орѣхи достанется, и на пряники! (*Смотритъ на часы*). Четыре съ половиной... а тотъ все ждетъ меня... у Бореля... Березницкій-то... если только не пересталъ ждать! (*Снимаетъ, говоря, шляпу и ставитъ на столъ*). Хорошимъ завтракомъ его угостилъ! Отличился!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княгиня и Князь.

Княгиня.—Mon bonnet est charmant! Не правда ли? Идетъ ко мнѣ, Woldémar?

Князь (*снимая перчатки*).—Замѣчательно, Nadine... замѣчательно! (*Всторону*)! Замѣчательно-скверно! Какъ къ коровѣ сѣдло! (*Громко*). Хочется сообщить тебѣ кое-что, mon ange... что мнѣ... вообрази... что мнѣ въ голову пришло... давеча, утромъ... (*Всторону*). Пуцу-ка ей про Березницкаго! Надо-же, вѣдь... общался...

Княгиня (*стоя у трюмо, чтъ направо*).—Ну? Что такое?

Князь.—Да вотъ... поповоду твоей племянницы... хорошенькой Вариньки...

Княгиня (*рѣзко*).—А? Вы находите ее хорошенькой?

Князь.—Я? Ну, да, Nadine... да! Нахожу! У ней много общаго съ тобою...

Княгиня (*смявшись*).—Quelle idée!

Князь.—Увѣрю, Nadine! Ей-Богу! Родственное что-то такое... (*Прискивая*). Родовое, знаешь... фамильное!

Княгиня.—Flatteur!

Князь.—Moi? Pas du tout, Nadine!

Княгиня.—Ну? Ну? Такъ что же тебѣ въ голову пришло, Woldémar?

Князь.—А то, что... Варинька нравится... многимъ... въ ея лѣта, понимаешь, всегда нравится... всегда...

Княгиня (*опять рѣзко*).—По вашему, только въ ея лѣта и нравится? Да? Да?

Князь (*живо*).—Ничуть! Потомъ... бываетъ, что... и... и... больше! И очень часто бываетъ... даже чаще... Ей-Богу! (*Всторону*). Пугаюсь, пугаюсь, пугаюсь! (*Княгиня садится на козетку, направо*). Замужъ выдаю ее пора-бы! Вотъ что! По моему, право, пора! размѣровъ побѣдахъ-то сидѣть? Съ какой стати? И себѣ вина, если...

Княгиня.—Что же! Этого... советамъ... роны... умно... разсудитѣть...

Князь (*весело до-мель*).—А!... дѣль?! (*Говоря, также садится, правъ на стулъ, и зажигаетъ спичку*).

Княгиня (*закуривая папироску*).—Замужъ... ма... собиралась сказать тебѣ, что... у... для нея... жениха! C'est une affaire bachelier!

Князь (*оптималь*).—А!

Княгиня.—За Ивана Васильевича выдаю ее... за моего beau-frère'a...

Князь (*припрыгнувъ на мѣстѣ*).—За Щербакова?

Княгиня (*строго*).—Laissez moi donc parler! Свадьбой этой разрѣшаются всѣ наши семейные раздоры, вздоры и споры... и процесса никакого не будетъ! Все это уже, между нами, и переговорено, и положено, и обсуждено, и окончено и... и Дурнополье остается за мною...

Князь.—А! А! Уже это все... и окончено, и положено, и... и...

Княгиня (*значительно*).—Ну, да! Ну, да!

Князь (*уже ея тономъ*).—И Дурнополье...

Княгиня.—Ну, да! Ну, да! Ну, да! Тутъ уже и толковать нечего!

Князь.—Ну, да! Ну, да! Ну, да! Разумѣется! Тутъ уже и толковать нечего! (*Всторону*.) Сердяга Березницкій! Не выгорѣло!

Княгиня.—Покуда еще ничего не говорила Варинькѣ... по надѣюсь—она оцѣнитъ то, что я дѣлаю... для нее... какъ ты оцѣнилъ, что я сдѣлала... для тебя...

Князь.—А! А!

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 339985